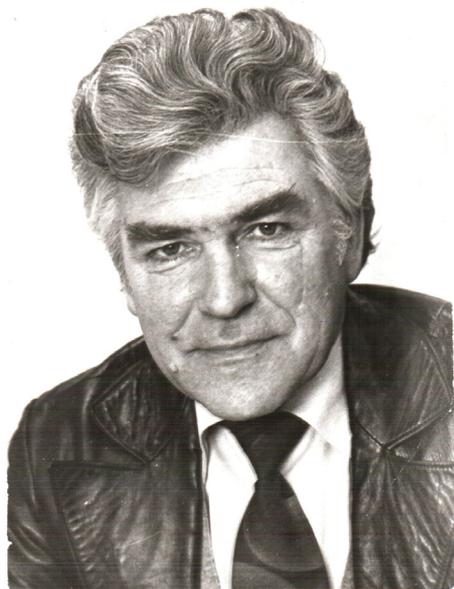

БОРИС ДУХОВСКОЙ – УХТИНСКИЙ ЛЕТОПИСЕЦ, АРГУМЕНТАЛИСТ И ФАКТОРОЛОГ –

О СЕБЕ И УХТЕ

Автор сердечно благодарит ректора Ухтинского государственного технического университета, профессора Николая Денисовича Цхадая за доброе отношение к моему творчеству, без чего этот сборник вряд ли увидел бы свет.

Короткой строкой

Духовской Борис Александрович, 1938, Ленинград.

Блокада, эвакуация на Волгу, в Рыбинск. Возвращение.

Десятилетка, ТЭЦ (моторист топливоподачи). ПТУ, Кировский и номерной заводы (токарь, слесарь).

Ленинградский госуниверситет (юридический факультет, вечернее отделение). Ленинградская городская прокуратура (следователь).

Журналист.

В Ухте с 1993 года. Редактор отдела в газете «Ухта». С 2004 года – пенсионер. С 2007 – внештатный автор газеты «Политехник» Ухтинского государственного технического университета.

Взгляд со стороны

Примеряя на себя, вполне приемлет: по жизни – «мои года – моё богатство», по работе – «старый конь борозды не испортит».

Имеет склонность к самовыражению через тему «где что плохо лежит». В результате: был в своё время победителем во Всероссийском конкурсе фельетонистов. А за годы работы в городской газете «Ухта» стал неудобно известен как автор стихотворных мини-фельетонов под рубрикой «Приколы нашего городка». Не чужд и стихам лирической тональности, которые с неприсущей ему скромностью называет «дежурными». Хотя похвалы в свой адрес дежурными не считает.

ВТОРОЕ ДЫХАНИЕ

(интервью с самим собой, соответственно, несколько вопросов самому себе)

– **Журналистика и стихи в «одном флаконе» – вещи совместные?**

– Евгений Шварц однажды сказал: «Не называйте меня писателем. Это нескромно. Я – литератор». Так вот, я раз и навсегда определил своё место: я газетчик. И всё стихотворное, что делал и делаю, юмористические стихи или так называемые «приколы», миниатюры под рубрикой «Окно в природу» – все они носят служебный характер, «работая» на очередной номер газеты в самой тесной взаимосвязи с фотоснимками по поводу и составляя с ними одно целое. Исключение – стихи гражданственного, публицистического плана. И, конечно, лирические, которые если что-то и иллюстрируют, так только то, что происходит в душе.

– **Что пишется труднее?**

– Для меня – проза. А стихи – по настроению. Но «приколы» всегда требовали оперативности, обязательности во времени и в газетном пространстве. Кстати, за время работы в газете «Ухта» было опубликовано более трёхсот «приколов». И без ложной скромности могу утверждать: даже однотипные по теме, они никогда не повторялись по стилю, каждый был написан в своём ключе. То есть, как подметил бы Эркюль Пуаро, «серых клеточек» потрачено на «приколы» больше, чем на другие стихи.

– **Как появилась в газете эта рубрика – «Приколы нашего городка»?**

– Еще в начале работы в «Ухте» пришла в голову смешная мысль: в качестве некой новации облекать в стихотворную форму ... криминальные сводки из милиции. Конечно, не по тяжкому криминалу, а по мелочам. Реакция читателей была неоднозначной: кого это действительно смешило, а кого и шокировало. Вскоре стихотворный криминал как-то сошел на нет. Но что-то внутри засело...

– **И проявилось уже в виде «приколов»?**

– Это словцо в народе уже давно стало расхожим. Однако я рассматриваю его так, как толкует слово «юмор» С.И. Ожегов в своём словаре: беззлобно-насмешливое отношение к чему-либо. А «что-либо» – это различные

проколы, которых в окружающей действительности хоть отбавляй. Так и соединились эти два понятия.

Почти всегда половина работы по каждому «приколу» была за фотокорреспондентом газеты Виктором Михайловичем Чаниным: он фиксировал события, а текстовая часть оставалась за мной.

– **И какой же была реакция на этот раз?**

– Она не могла нас, как газетчиков, не порадовать. Очень скоро мы почувствовали востребованность новой рубрики: постоянными стали звонки горожан в редакцию с просьбой разобраться, помочь, пропечатать и припечатать. Отраднo было и то, что современная «приколам» администрация города, особенно во времена Антонины Алексеевны Каргалиной, не оставалась к ним безучастной и не относилась к ним негативно, хотя и сама подчас становилась мишенью для прикольных обстрелов.

И, конечно же, были приятны, не скрою, добрые отклики о работе «прикольного отдела», как нас стали называть.

– **В одном из своих стихотворений Дмитрий Кедрин шутливо заметил:**

«У поэтов есть такой обычай – в круг сойдясь, оплевывать друг друга...» А как у журналистов? Ведь что греха таить, популярность одного вряд ли может оставить равнодушными его коллег...

– Не знаю, как в других, но в нашем редакционном «кругу» неравнодушие проявлялось как раз в обратном. На еженедельных летучках «приколы» никогда не оставались незамеченными, коллеги постоянно отмечали их как лучшие публикации. Кстати, товарищи по работе нередко сами «давали наводку» в виде сюжета для «прикола», уступая тот или иной по- журналистски лакомый кусочек.

В том, что в редакции дышалось довольно легко и свободно, как, впрочем, и то, что газета удержалась на плаву в самые трудные времена, не поступившись ничем в угоду кому-нибудь из власть имущих, на мой взгляд, немалая заслуга

ты сможешь «научать»
 И что ты им
 оставишь в назиданье?
 Ты им скажи,
 Что ты по жизни крут,
 Весь мир тебе
 как собственная плошка,
 Деревья
 только для тебя растут,
 И солнце –
 только на твою картошку.
 Сознают детки, как себя вести,
 И не дивись,
 что всё беря
 нахрапом,
 Уж если будут
 под себя
 грести,
 Так загребут
 и собственного папу.

А В УХТЕ ИДЁТ ГОЛОЛЁД

В памяти след
 от знакомых мелодий
 струится,
 Новые па
 изучает
 ухтинский народ,
 Так неожиданно кружатся,
 падают лица
 И характерно,
 что падают
 «фэйсом» об лёд.
 В наши больницы
 стучится ноябрь
 гололёдом.
 В травматологии
 нынче
 большая тоска.
 Если уж дорого
 нас обеспечивать
 йодом,
 Дайте хоть городу
 просто
 речного песка!

ВСЯКОЕ БЫВАЕТ: И ПРОБЛЕМА – ЛАЕТ!

Тут у нас в парадном
 Завелась собака.
 Ей гулять повадно
 По собачьи всяко.
 Но хозяйке это –
 Как ходить в атаку,
 И она под лето
 Выперла собаку.
 Нет, не в долг незрячим
 И не к водолазам,
 А к чертям собачьим –
 Навсегда и сразу.
 А в другом подъезде
 Завелась хозяйка.
 К ней, как в гости, «ездят»
 Булька, Жучка, Лайка.
 Уж голов с десятков
 В публике нарпита –
 Всем здесь есть достаток,
 Все найдут прибыток.
 А теперь в подвале
 Появилась стая:
 Коллектив создали
 Хорового лая.
 То ли псы узнали:
 Трогать их бояться,
 То ли одичали:
 В смету не ложатся.
 Тут вопросов – груда,
 Чуть ли не до драки...
 Господа! Откуда
 Множатся собаки?

ПРОМАШКА С БУМАЖКОЙ

Канцелярская булавка
 Сильно колет наш уют:
 Там – потребовали справку,
 Здесь – той справки не дают.
 Экая разносторонность
 У чиновничьих сторон:
 Есть районная законность
 Есть и городской закон.
 Упирается в бумажку
 Этот просвещённый век:
 Без бумажки ты – букашка,
 А с бумажкой – человек!

**АВТОБУС ЕСТЬ,
ДА В НЕГО НЕ ВЛЕЗТЬ!**

Я гимна не спеть новой жизни не смог,
Ступив за порог монетизма,
Когда, ожидая автобуса в срок,
Торчишь, как забытая клизма.
А вот и родимый уже подрулил,
С обеда иль с автозаправки,
Но кто же «Икарусы» так заменил:
В час пик – да на автокозьявки?
Я вашей, ребята, заботою сыт,
Как льготу её принимая:
Меня половина снаружи бежит,
Внутри – половина другая.
И думаю я под весёлую прыть
Идеями сильно богатый:
Чтоб транспортный узел совсем разрубить,
Пусть в дело пойдут самокаты!

**СТИХОТВОРНОЕ СУФЛЕ
О ЗАБРОШЕННОЙ ТУФЛЕ**

Как-то утром очень ранним,
Но не спя давно,
Всполошилась бабка Маня,
Выглянув в окно.
То ль подарок от природы,
То ль какой обряд:
Чьи– то туфли-сорокоходы
В проводах висят.
И дотошная старушка
Всюду шлёт сигнал:
Кто, мол, правила наруша,
Их туда загнал?
Разобраться надо б споро:
Вдруг такая кладь
Там осталась от монтера –
Будет ведь искать!
Но куда бы ни стучалась
Бабушка моя,
Отовсюду посылалась...
В дальние края.
Да и то сказать, не гоже
Трогать сей комплект:
Вдруг в него да подзаложен
Взрывоэлемент...
Рак уже на взгорке свистнул,
Осень прёт в поля...

В проводах вопрос повиснул:
Братцы, чья туфля?

**ТАЛАЯ ВОДИЦА
ПО УХТЕ СТРУИТСЯ**

Как фонтан, неудержимо
Радость бьёт со всех сторон:
В нашем городе любимом
Вновь открылся плавсезон.
Не по чьей-нибудь оплошке
Нам такая благодать:
БассейНОВЫЕ дорожки
В каждой улице опять.
Это талая водица
Выдаёт за кругом круг,
Всё струится и змеится,
Но никак не лезет в люк.
Через улицу в охотку
Переплыть –
да нету сил.

Я б за лодку
дал на водку
И с прицепом – за буксир.
А Чибьюшка-то, Чибьюшка!
В изумлении стою:
Разгулялася старушка,
Вспомнив молодость свою.
Мой сосед не без причины
Вдруг пустился в оборот:
Он теперь, как субмарину,
Свою «тачку» продаёт...
Бьёт фонтан неудержимо,
Радостно со всех сторон:
В нашем городе любимом
Вновь открылся плавсезон.

**ЧТО ЗА СТОН?
ВЫШЕЛ НОВЫЙ ЗАКОН...**

Скажу я, братцы, без прикрас:
Мне чувствовать охота,
Как каждый день и каждый час
Кипит о нас забота.
Чтоб в одиночестве народ
Не одичал поштучно,
По коридорам, в хоровод,
Нас собирают кучно.
Ура! Нам выжить повезло
Под звон монетизаций,

Ведь эвон, сколько приползло
 Для перерегистраций.
 И справку каждому дадут,
 Чтоб видели все люди,
 Что вовсе он и не верблюд
 И им пока не будет.
 Себя я в очередь отдам
 И встану в хвост без стона,
 Но чтоб со мной стояли там
 Все авторы закона.
 И приглашая тех друзей,
 Скажу им, между нами:
 Стоять! И никаких гвоздей —
 Мне тут воЛЬГОТНЕЙ с вами!

У НАС СУГРОБЫ – ВЫСШЕЙ ПРОБЫ!

Завалы чуть не роем носом —
 У них особенная статья.
 Вот только б статью повыше ростом,
 Чтоб даль за ними увидать!
 Дойти б до перекрёстка, братцы,
 И это — словно Божий дар.
 Вот только как бы перебраться
 На тот манящий тротуар?
 Весна идёт, весне дорогу!
 На белом свете вновь весна!
 Вот только б не сломала ногу
 На нашей улице она!

НЕ ПОРА ЛИ, БРАТЦЫ, ЗА КОВЧЕГ ПРИНЯТЬСЯ?

Гроза открыла свой переучёт
 Без всяких предварительных реляций,
 И вот уж всё меняется, течёт...
 ...Помимо городских коммуникаций.
 Кругом одна вода на много миль
 И светофор-маяк играет глазом.
 Не ехать можешь, мой автомобиль,
 Но гордо плыть сегодня ты обязан.
 Засучивают брюки господа,
 И дамы — в мокром, кто же их осудит:
 Кому всего лишь до колен вода,
 Кому, пардон, уже по пояс будет.
 И в этой предпотопной суеде
 Всяк, как умеет, так и выгребает.
 Кто говорит, что моря нет в Ухте,
 Тот просто город наш совсем не знает.

«АБУШКИ» ДЛЯ БАБУШКИ

Случилось так, что врач меня послал...
 Ну, не послал, а попросту направил,
 Чтоб я скорей в аптеку поспешал
 И там рецепт свой льготный отоварил.
 Пришел. И весь в осадок выпал аж:
 Как капельница, очередь струится...
 Чего дают? За чем ажиотаж?
 И к чьей спине мне можно притулиться?
 — Мил человек, пристройся-ка за мной, -
 Бабуля говорит, жуя свой завтрак,
 — Сегодня нам не подфартит с тобой,
 Так что давай рассчитывать на завтра.
 И утречком бегу сюда чуть свет,
 Сухим пайком взяв пообедать что-то.
 Народу — тьма. Лекарства снова нет,
 Но правда, запись производит кто-то.
 ...Через неделю, с номером во лбу
 И все реформы в одночасье кроя,
 Опять влезаю в льготную толпу,
 Где каждое лицо — уже родное.
 Какой-то новой очередь была:
 В ней что-то не видать моей старушки.
 — Бабуля где?
 — Да тихо померла, -
 Ответил чей-то голос с раскладушки.
 ...А ей бы взять и переждать измор,
 Ведь говорят, что господин Зурабов
 Уже сносить готовится забор,
 Сколоченный вокруг себя из «абов».
 Абы куда, кому и абы как,
 Абы почем, коль на свои не купишь...
 Когда в расчётах беспросветный мрак,
 То в результате светит
 льготный кукиш.
 И всё ж пытаюсь здраво рассудить
 В пришедшем без рецептов просветленье:
 Ведь кто-то должен
 начинать лечить
 Больное наше
 здравоохраненье!

ПРО МАЛЬЧИКА ВАНЮ И ГОРОДСКУЮ БАНИЮ

Облетают веники у граждан,
 Как в июне — с белых яблонь дым.
 Нынче ванны есть в квартире каждой,
 Но не им свой стих мы посвятим.

* * *

Как-то раз, проснувшись утром ранним,
Ваня, кроха-сын, к отцу пришел:
– Папа, что такое слово – баня?
Это плохо или хорошо?
– У меня, сынок, секретов нету, -
Отвечает папа-грамотей,
Поднатужив память: – Баня – это
Лучшая из всех людских затей.
Там – ушат воды холодной вылить
Можно, не боясь соседских рож,
Ну а шею ежели намылить –
То себе, да и соседу тож.
А «поддать» – лишь пару, не иначе,
Потому что знатный дух затих,
Если же и лупят там лежачих,
То всегда по личной просьбе их.
А уж захотел ты «похлестаться» -
Под пивко пройдет любая весть...
Но чего тут долго разоряться:
Бани нет, хотя директор есть.

* * *

Это было в годы перестройки.
Чтобы прах времен застойных смыть,
В целях городской головомойки
Баньку нам решили подарить.
Жил ухтинец, не теряя веры
В новый банно-прачечный устав...
Шли года и уходили мэры,
«Ну вас в баню!» – тихо пожелав.

* * *

И опять однажды утром ранним
К папе, что от лет еще не чах,
Подошел, закончив школу, Ваня,
С аттестатом зрелости в руках.
– Ты ответь, мой дорогой родитель,
Может, я для баньки не созрел?
Или просто скромно не хотите
Нас смущать показом голых тел?
И хоть был вопрос довольно труден,
Но ответил папочка, как мог:
– Обещают, Ваня, скоро будет
Для тебя и банька, и парок.
Дай немного только разобраться
В том лесу из липовых мочал:
Долго ль будут попусту хлестаться
Те, кто эту баню обещал?

* * *

Календарь отлистывает даты,
Голову отцовскую седя.
– Папа, где попариться солдату? -
Сын спросил, из армии придя.
От смущенья стал папаша розов –
Чем ему вопрос сыновний крыть:
– Говорят, к декабрьским морозам
Баньку обещают затопить...
И... однажды,
как-то утром ранним
Ваню
кроха-сын
спросить пришёл:
– Папа, что такое слово – баня?
Это плохо или хорошо?

* * *

Кто-то и «засветится» однажды,
Кто-то выйдет из воды сухим...
...Облетают веники у граждан,
Как в июне – с белых яблонь дым.

КАК ЛОШАДЬ ВСТРЕТИЛА ОВЦУ ПОД НОВЫЙ ГОД ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Лошадка, тащившая медленно воз,
Собравшись удариться в частный извоз,
То бишь, с государевой службы уйти,
Овцу повстречала себе на пути.
Та, вроде бы только что сняв бигуди,
На старую лошадь с кокетством глядит:
– Чего, мол, такая понурая вся,
Как будто бы год не видала овса?
– Впрягалась легко я, – ей Лошадь в ответ, -
Да видно, подковы на счастье мне нет,
Какой там овёс, если честно проржать,
Собаке на сене и то не лежать:
Кормов репутацию дождь подмочил,
Как вспомнишь, так вздрогнешь, чего
натворил...
А тут на киоски в атаку пошли,
И хлебные – тоже «до кучи» снесли...
Опять же... торговый тревожится мир:
А ну как не сделаешь биосортир?..
С водицей наш доблестный «Водоканал»
Не только себя, но и всех доконал:
Ведь сколько в Ухте человеческих душ –
Они не привыкли поиться из луж.
Не очень-то шли и в бюджете дела,

Меня оставляя, в чём мать родила.
 ...Услышав всё это, кокетка Овца
 Сначала едва не опала с лица,
 Но, вспомнив, что ей ведь хозяйкою быть,
 Свою проявила овечкину прыть.
 – Давай-ка, Лошадка, иди на покой
 Иль бизнес себе подыщи кой-какой.
 Тебе я скажу, ничего не тая,
 Что выделки стоит овчинка моя.
 Я в жизнь, обещаю, всего принесу,
 Ведь выборы уж на овечьем носу.
 Надеяться буду теперь до конца,
 Что средь молодцов только я лишь Овца.
 Год 2003.

Остались, мол, ему от Обезьяны?
 Ведь ресторанов в городе – не счесть,
 А в детсадах детишкам негде сесть!...»
 И долго бы еще Петух старался,
 Не зря же он до критики дорвался,
 Но кто-то крикнул, чтоб его заткнуть:
 «Сначала сделай сам чего-нибудь!»
 И поперхнувшись, птах покинул спицу,
 Успев кого-то клюнуть в ягодицу.
 Что с Петуха? Ведь как ни примеряй:
 «Ку-ка-ре-ку!» – и хоть не рассветаи.
 ...А всё-таки, пускай спасёт Петух
 Нас всех в свой год от всяких оплеух.
 Год 2005.

НЕ ДОВОДИТЕ ДО ГРЕХА ВЫ ЖАРЕНОГО ПЕТУХА!

Такой уж, братцы, казус получился,
 Что Обезьяна Петуха «сдала»:
 На вертеле бедняга очутился,
 Готовясь в закусон. И все дела.
 А впрочем, стоп! Живя во время оно,
 Сидел на спице у царя Дадона
 Такой же птах. Пить-есть он не просил,
 А пользу, как известно, приносил.
 Вот так и тут. Не видя в нём жаркое,
 Заданье дали мы ему такое:
 Своё «Ку-ка-ре-ку!» он громко жажнет,
 Как только где-то жареным запахнет.
 Но так уж вышло, что еще до срока,
 Итог увидев Обезьяньих сил,
 Из ревности, а может, для урока,
 Наш Петушок всюю заголосил.
 Сначала он прошелся, как по нотам,
 По отощавшим в одночасье льготам,
 Вопя, что, мол, в ряду прихватизаций
 Нам не хватало лишь монетизаций.
 Потом про коммунальные подруги,
 То бишь, про стопроцентные услуги
 Кричал: «Идея, может и проста,
 Да как бы не раздели до креста!»
 Когда же до Ухты Петух добрался,
 То тут, видать, немного растерялся,
 Почувствовал смущение, проказник:
 Ведь что ни день – то юбилей, то праздник.
 На эту тему покричав чуток,
 Решил не мелочиться Петушок.
 И кукарекнул: «Где же, наконец,
 Ледовый разобещанный дворец?
 И что это такие за изьяны

ПЕРВОАПРЕЛЬСКИЙ ФЕЛЬЕТОН ПРО ЖИЗНЬ, КОТОРАЯ – КАК СОН

Однажды в студеную зимнюю пору
 Я из дому вышел. Был сильный извоз:
 «Газели» по уличным коридорам
 Решали всюю пассажирский вопрос.
 – Здорово, водила!
 – Ступай себе мимо.
 – Уж больно ты грозен, как я погляжу!
 Откуда людишки?
 – Да с улиц, вестимо.
 Автобусов нету – вот я и вожу...
 На всех остановках, в тоске и тревоге,
 Народ с холодрыги носами течёт,
 Забраться готов в ритуальные дроги:
 Ведь всё-таки транспорт, авось доведёт...
 ...Однажды, неважно, в какую там пору
 Приходит в аптеку седой инвалид,
 Он выжил, назло ветеранскому мору,
 И весь, как назло, орденами звенит.
 В бесплатный рецепт, как на детскую шалость,
 Аптекарь глядит, что в афишу коза:
 – Ведь вас, ветеранов, уже не осталось,
 По сведениям нашим, полгода назад...
 ...Однажды весною во психотделение
 Из дома доставили группу жильцов,
 Уставших от буйного кровлетечения.
 «Поехали крышей» – диагноз таков.
 ...А в детполиклинику (тоже однажды)
 Мамаша притопала за номерком...
 Прибавил ребёночек в возрасте дважды,
 Пока ожидали врачебный приём...
 ...Однажды в Ухту иностранец приехал,
 Привыкший к своим иностранным шоссе,
 Надолго запомнит он эту потеху –

Вернулся домой на одном колесе...
...Однажды понизили резко квартплату,
И в баньке попарился наш гражданин,
...Однажды учителю дали зарплату,
И медик однажды пришел в магазин.
А там – аж рублёвые ценники, братцы!
Старушка у кассы даёт гопака!..
Давайте, ребята, бесплатно смеяться,
Ведь смех не обложен налогом. Пока.

ХОТЬ РЕПУТАЦИЯ ПОДМОЧИТСЯ, А МНЕ ПЛЕВАТЬ НА ЭТО ХОЧЕТСЯ!

От наших повсеместных демократий,
Скажу вам по секрету, я торчу!
И как совсем простой предприниматель,
Предпринимаю всё, что захочу!
Такое я могу накуролесить,
Что станет страшно даже самому:
Могу балкон к дверям своим привесить
И складом я его потом займу.
Еще могу заклинить унитаза
(Удобного момента только жду!)
Лишь свой оставлю для рабочей фазы,
Беря с жильцов за каждую нужду.
Раз плюнуть мне, чтобы в сухом режиме
Вдруг заработал весь водопровод,
Я проведу на собственное имя
Другой, пусть лишь ко мне вода течет.
Я оттопырюсь, коль для пользы личной
Желаньями горит душа моя.
Пусть говорят, что это неприлично...
Я – обустрою собственное «Я»!

ВОПРОС НА ЗАСЫПКУ ПРО РЕЧКУ И РЫБКУ

Чибьюшка наша – не Фонтанка
И вовсе не Москва-река,
Не та, видать, величья планка,
Что в раз хватает за бока.
Течёт себе из дальних далей,
Из допотопных тех времён,
И коль весною поскандалит,
То, значит, ей приснился сон:
О том, что, мол, жива... местами,
Еще не вся сошла на нет,
И берега, что под мостками,
Хранят таинственно секрет:
Как люди шли (скажи на милость!)

К ней спозаранку, косяком,
Тогда рыбёшка в ней водилась,
А не отхожий автолом.
И даже птицы славно пели
В густом плетенье ивняка,
И не садились к ней на мели
Испуганные облака.
Тот сон Чибьюшкин не случаен,
И нам бы вдуматься порой:
Не потому ль она мельчает,
Что помельчали мы душой?

ПОГОВОРИМ-КА НАУДАЧУ ПРО СИТУАЦИЮ СОБАЧЬЮ

Иду я как-то на работу
И вижу – не фигу себе!
Навстречу наплывает что-то
Наперерез моей судьбе.
Потом гляжу: собачья стая,
Штук тридцать, ежели их счесть,
Что на уме у них – не знаю,
Но чувствую, готовы съесть.
Я говорю: ребята, здрасьте!
Откуда, мол, такой приплот?
С собачьей вроде бы напастью
Служилый борется народ.
А мне в ответ вожак убогий,
Обшарпанный, как сукин сын:
– Уйди, мол, от греха с дороги,
А то мы сделаем почин.
На нас управу не отыщешь,
Хоть и грозят со всех сторон,
Сегодня в городе нас – тыща,
А завтра будет – миллион!
...И преданный собачьей дружбе,
Я нынче говорю вот так:
– Ура – заказчиковой службе,
Что вешает на нас собак!

ВСЕГДА, ХОТЬ ТРЕСНИ, ОНА ЖИВА: СТАРАЯ ПЕСНЯ О ГЛАВНОМ-ДВА

В Ухте родилась ёлочка,
В Ухте она росла,
С реликтовой иглолочки
Одетая была.
Мужик какой-то серенький
Под ёлкой пробежал,
Товареньким изделием

Он ёлку увидал.
 Голубизной иголочек
 Пленился мужичок:
 Спиллил макушку ёлочки
 Под самый под вершок.
 И то ли на продажу он,
 То ль деткам в дар принёс,
 А ель обезображена.
 И я задам вопрос:
 – Чего искать – коситься,
 Мол, где засело зло?
 Не в нас ли и таится
 Вандальное мурло?
 Не варвары, не урки,
 Не киллеровский строй
 «Растаяли» Снегурку
 На площади одной.
 И глазоньками сладкими
 Мамашеньки глядят,
 Как детскими лопатками
 Снегурочек крушат.
 Как погасают лампочки
 Под лапками ребят,
 Когда их детки-лапочки
 Немного пошालят.
 И вырастают деточки,
 Как серый мужичок,
 Что голубую ёлочку
 Подрезал под вершок.

**ПОВСЕМЕСТНО
 СТАЛО ПРЕСНО!**

Живём мы – ушки на макушке!
 И ловим всё, что дуют в ушки,
 И слушаем, раскрывши рот:
 Мол, не слышали, ну так вот...
 На Кубе сахар подзажали,
 Там вроде весь тростник сожрали.
 А Ющенко, набравши сил,
 Нам очень СИЛЬНО насолил.
 Для спичек вдруг исчезла сера,
 Есть та, что лишь в ушах осела.
 И судьи все в расход пошли:
 На мыло их перевели.
 А Марьиванна, что с лабазу,
 Недавно ездила на базу,
 Там посоветовали ей
 На «евры» всё толкать скорей...
 Не тратя сил на тары-бары,
 Я нанял грузовик для тары.

Полмагазина смёл за час –
 На пятилетку про запас.
 Такая, граждане, эпоха:
 Не можем жить мы без подвоха.
 ...А кто-то – корчится в смешке,
 Уютно сидя на мешке.

**ВОТ ТАК МЫ, БРАТЦЫ, И ЖИВЁМ:
 ИЗ ХЛАМА ГОРЫ СОЗДАЁМ**

Гордимся мы «жемчужиной» своей,
 Она в оправе Севера сияет.
 Мы впереди, ребята, Коми всей,
 Но этого никто не замечает.
 И хорошо! Не нужен нам парад.
 Свои у нас от глаз чужих затей:
 Тут Эвересты мусора стоят,
 А там, пардон, отходов Пиренеи.
 Я гимны экологии спою,
 Роль человека яро отражая,
 Что бережет природу, мать свою,
 Из-под себя – к соседу отгребая...
 Хочу лишь намекнуть по теме всей
 (И жареный петух пока не клюнул),
 Что помню я еще таких людей,
 Кто никогда на улице не плюнул.
 На том стоим и по сему живём,
 Как относиться к трудностям, мы знаем:
 Сперва мы их ударно создаём,
 Потом – геройски преодолеваем.

АТАС БЕЗ ПРИКРАС

Я, ребята, конечно, не Гоголь
 И пока не Жванецкий, но всё ж,
 Коль я езжу своею дорогой,
 Лучше душу мою не тревожь.
 Если раньше автобус секретно,
 Но по-божески всё ж исчезал,
 То теперь ходит еле заметно,
 Через двухчасовой интервал.
 И какой-то услужливый «РАФик»
 Изо всех автотранспортных сил,
 Затыкая собой автографик,
 В бочку сельдей себя превратил.
 Пассажиры друг друга не гложут,
 Оптимистами им надо быть.
 Может, кто забеременеть сможет,
 Может, кто-то – немножко родить.
 А старушки, и кратно, и матно,

Под «ГАЗелей» летающих звон,
Вынимают и прячут обратно
Свой воЛЬГОТНОненужный талон.
Я, ребята, конечно, не Гоголь,
Но вопрос заостряю, как кол:
Долго ль будет такой гоголь-МОГОль
подаваться на транспортный стол?

НАСЧЁТ ГОПАКА ВОКРУГ СТОЯКА

Похолодало вдруг в соседской нише
И сделан был услужливо ремонт.
А вслед за этим я поехал крышей:
Стал промерзать мой собственный жилфонд.
Видать, случайно мне в трубу «задули»
Какой-нибудь ремонтный инструмент,
Или весь пыл налево повернули...
Но батареи «чокнулись» в момент.
Поскрёб в макушке мудрый дядя Петя –
Комиссии глава, сантехник-сан:
– Тут надо разобрать бы всё на свете,
Чтоб заглянуть в водопроводный кран.
Долой трубу, стояк и батареи,
Они мешают вентиль отвернуть,
А чтобы дело двигалось быстрее,
Полы нам нужно в хате рубануть!
Тут, милые, платить придется тыщи
За этот сантехнический бардак,
И хоть не знаю я, чего мы ищем,
Искать мы не привыкли просто так.
...Теперь ко мне сбегаются соседи
И очень косо на меня глядят:
Вдруг и на них услужливо наедет
Ремонтных дел ударный водопад?
Ну да пускай им истина поможет,
Что, как труба холодная, проста:
Раскрыть уста осел никак не сможет,
Чтобы при этом не задрать хвоста!

ОТ ЗИМЫ В НАГРАДУ – ТАНЦЫ ДО УПАДУ!

С работы, на работу ли иду –
Стать фигуристом я теперь мечтаю,
Ведь я уже коровою на льду
Довольно сносно, братцы, выступаю.
Да что корова! Ей ведь суждена
Лишь элегантность падающей бочки.
А вот пускай попробует она

Тройной тулуп крутить... на пятой точке.
Я тренировкой занят каждый день
И чувствую, душа ответа просит:
Кому соревноваться станет лень
И кто из нас быстрей... коньки отбросит?
Кто там страдает нынче о песке
Иль о другой какой подсыпке плачет?
На лёд, друзья! Не надо жить в тоске,
Нас «травма» примет так или иначе!

ЕСЛИ ДЕНЕГ НЕТ ДО СЛЁЗ, ТО «ЗАКАЖЕМ» «ЗЕЛЕНХОЗ»?

Утречком как-то иду на работу,
Гляжу – мне навстречу бабулек отряд:
У каждой в глазах зеленеет забота,
В руках – инструмент из граблей и лопат.
А к поясу каждой привязаны туго
Разных пропорций и вкусов горшки,
Пардон, не ночные, с другою услугой:
Под корешки, стало быть, и вершки.
Куда вы, родимые, вдруг почесали? –
Вопрос задаю я не в бровь им, а в глаз.
– Дык «Горзеленхоз», говорят, «заказали»,
И нам поручили исполнить заказ.
Новость такая, что как тут ни ахнуть!
Мчусь я на «базу» тюльпанов и роз.
Да нет, убеждаюсь, цветет он и пахнет,
По прежнему, наш цветовод – «Зеленхоз».
Но здесь, оказалось, совсем и не знают,
Что ихней рассаде недолго прожить,
Что где-то усиленно деньги считают,
Чтоб вместо тюльпанов рубли рассадить.
И тут я подумал: ведь было такое –
Деньгу закопали, с мечтой на улов,
Чтоб выросло дерево – всё золотое –
На поле Чудес, в «Стране Дураков».

ВИДАТЬ, НЕ ВСЕМ НЕ ВСЁ РАВНО, КОМУ КАКОЕ ПИТЬ ВИНО...

Ну что, мужик, о чем ты загрустил?
Опять в стране наводится порядок.
А у тебя, видать, уж нету сил
От этих бормотушных разнорядок.
Войдешь в лабаз, а там – один коньяк,
Стоит себе, с водярой вперемежку...
А может, взять? Оно ведь – так на так:
Надолго хватит, если помалешку.
Иль наш «сухарь»... Ведь всё равно – вино,

Не чай ведь, чай, не молоко коровье.
 Ну, правда, мочегонное оно,
 Так это даже лучше для здоровья.
 Не хнычь, мужик, тебя ли удивлять
 Такими перепадами житухи!
 И разве лучше будет помирать
 Тебе от «Трои», чем от бормотухи?
 И не грусти, родной, Не в этом страх,
 Ведь ты у нас – товарищ очень стойкий,
 Вот так и стой пока – с тоской в глазах,
 С мечтой об безакцизной перестройке.

**ВОТ ТАКОЙ ПОВОРОТ –
 ФЕДОТ, ДА НЕ ТОТ!**

Как-то сон приснился мне предутренный,
 Что пришел куда-то я, а тут
 Объявление в режиме внутреннем:
 Докажи, что ты – не есть верблюд.
 Говорю вахтёру очень строго я,
 Что горбов, мол, нет, и не плююсь,
 И вообще я – существо двуногое,
 На четыре, мол, не становлюсь.
 И в раскрытом виде, как положено,
 Паспортину тут же предъявил,
 Но вахтёр, инструкцией стреноженный,
 Выписку из ЗАГСа запросил.
 И чего мне вздумалось артачиться?
 Весь вопрос был быстренько решен:
 Мол, такой-то – в человеках значитя,
 Потому что он от них рожден.
 ...Сон ушел, я в жизнь вступил реальную,
 Но проблемой новой оглушен:
 Где бумажку взять официальную,
 Что, мол, это был всего лишь сон?

**ХОРОШО БЫ СТАЛО ЖИТЬ,
 ЕСЛИ БУДНИ ОТМЕНИТЬ**

Я праздничными днями очарован.
 Мне дорог каждый из высоких дней,
 А если в юбилей он окантован,
 То сердцу люб, пожалуй, и вдвойне.
 Гремят с трибун словесные салюты,
 Качает помпа радость на ветрах.
 И памятники крашенные круто
 Стоят отныне в розовых тонах.
 По улицам прошла метла уборки,
 Как будто кто-то перенес бревно
 На эти дни из центра на задворки,

Чтоб не мешало праздновать оно.
 И всё вокруг вполне патриотично
 И будто не бывало будних дней.
 Но все же братцы, как-то не привычно
 Жить в праздник под названием Юбилей.
 И вроде, голос раздается свыше,
 Что это всё – типичное не то,
 И город наш опять «поедет крышей»,
 Под крышами, чье имя – решето.
 И у домов, а то и под домами
 Из труб польётся вовсе не елей.
 Ведь и они справляют вместе с нами
 По возрасту такой же юбилей.
 Ну ладно, прочь унылые сюрпризы,
 Хоть их не счесть, коль очень захотеть.
 Всё хорошо, прекрасная маркиза,
 Сегодня будем только розоветь!

**СЛОВО – К КАНДИДАТАМ,
 ПРОГРАММАМИ БОГАТЫМ**

Дело было вечером,
 Делать было нечего.
 Федя – пил,
 Борис – скучал,
 Алексей на всех стучал.
 Птичка села на заборе,
 Кот прокрался на чердак.
 Вдруг сказал народу Боря
 Просто так:
 – С выдвижением вопрос –
 прост,
 Двину я себя туда в рост.
 Обещаю в небо я мост,
 Чтобы людям подсобрать звёзд.
 Лёха, что на всех стучал,
 встал,
 Тоже слово про себя взял:
 – Всю-то, братцы,
 реченьку Ухту
 В сторону я разверну не в ту.
 Тут же Федя
 бросил вдруг пить
 И спросил, а как ему быть?
 Может, он для бизнеса
 в ход
 По Чибьюшке пустит
 свой пароход?
 ...Застучало вдруг по ушам,
 Замутило всех от программ,
 Надо бы одно лишь решить:

По ней, как и извечно,
Под солнцетканным парусом весна.

* * *

Весняночка, весновочка, веснянка
С веснушками мимозы на лице,
Весеннею, разливистой тальянкой
Твой звонкий смех аукнется в скворце.
Навстречу солнцу – солнышка улыбки,
Навстречу небу – синие глаза.
И пусть пока весна настолько зыбка,
Что и весной пока назвать нельзя,
По клавишам хрустальным ксилофона
Тихонько подбирая гамму нот,
Пройдется ветер нежно и влюблено,
В твой смех вплетя чарующих аккорд.
Весна мудра, она не прогадала
(Вам так идет быть вместе, быть двоим),
Когда тебя взяла да и избрала
Гонцом своим и вестником своим.
Весеннею разливистой тальянкой
Твой звонкий смех аукнется в скворце,
Весняночка,
 весновочка,
 веснянка
С веснушками мимозы на лице.

АПРЕЛЬСКИЕ ГРЁЗЫ

Еще пока не развиднелось
Реки заманчивая гладь,
А вербам очень захотелось
Уже себя в ней увидеть.
И то сказать,
 уж больно сложно
В неведение так долго жить.
Ведь шутки шутками,
 а можно
Свою красу и позабыть.
Когда в предутренних пожарах
Рассветов летних, налегке,
В своих зелёных пеньюарах
Купаться бегали к реке.
Но уж не будьте вы в обиде,
Совсем чуть-чуть осталось ждать,
Чтобы себя опять увидеть
И «свет мой, зеркальце...»
 сказать.

* * *

Пусть в народе говорят,
Что весна придёт лишь в мае,
Как по осени цыплят,
Почки – по весне считают.
До зелёных огоньков
Может быть еще не близко,
Только каждый уж готов
Здесь найти себе прописку.
А пока берёт своё
И весну вовсю пророчит
Почек белое шитьё
Многоточьем между строчек.

* * *

Стряхни с себя оцепененье ночи,
К стволу березы ухо приложи.
И ты услышишь, как весна пророчит
Свои хмельные чудо-кутежи.
То сок гудит навстречу летним трелям,
И вдруг на миг покажется тебе,
Что этим разберёзовым похмельем
Весна в твоей аукнется судьбе.

* * *

Хоть лес еще
 не отошел от сна
В своей
 пока дремотной колыбели,
Но пробует уже перо весна
Автографом упрямого апреля.
Теплеет след,
 оставленный лучом
На белоснежной все еще
 странице,
Чтоб завтра
 полноводным стать ручьём
И звонко меж деревьев
 зарезвиться.

ПРИНИМАЯ ВАХТУ МАЯ

Какими тропками бродила
Весна, пока до нас добралась?
А то зима уж возомнила,
Что навсегда у нас осталась.
Давала взятку перламутром,
Закон природы сделав дышлом...
В охапку шапку брали утром,

Боясь, как бы чего не вышло.
Но вот вздохнули по-апрельски,
Когда весна рванулась к маю,
Аж на «лежачих полицейских»
Внимания не обращая.
Свой бизнес вешний строя ловко,
Она пошла на все затраты,
И прекратили забастовку
Снега от солнечной зарплаты.
В озерах улиц – неба просинь,
И расчищает ветер-дворник
То, что оставила нам осень
На общегородской субботник.
Живём с надеждою весенней,
Что сгинет беспорядка проза,
И насладится поколенье
Реформою жилкоммунхоза.
Будь обновленье в каждом деле –
Такой весну мы понимаем,
И сдав дежурство по апрелю,
Мы вахту мая принимаем.

* * *

Он незаметнее сирени –
Черёмух запах наливной,
Он легким пухом на колени
Опустится перед тобой.
И дождь не торопись, не надо –
Черёмухи недолог век.
Ведь он короче листопада –
Весенней песни нежный снег.
И только вроде бы запелось,
А уж другой приходит лад,
И надыхаться бы хотелось,
Да больно тонок аромат.

* * *

Случилось так,
 что снова май
 по белу свету.
Скорей окошки отворяй
 навстречу лету.
Пусть в них вольётся
 птичий звон
 и неба просинь,
И незабывтый шорох крон,
 ушедших в осень.
И набегающую хмель
 того оркестра

Возглавит вдруг виолончель
 в руках маэстро.

СИРЕНЬ ЦВЕТЁТ

Будто свет со всех сторон
Ароматом напоён:
Наконец-то и сирени
Подошёл цветенья срок.
Эти звезды-лепестки
И милы мне, и близки.
Только где же он запрятан,
Счастья пятый лепесток?

* * *

Нет, никогда так не цвели сирени:
Как балеринки в пачках серебристых.
И не был я в сиреневистом плене
Так по-мальчишьи весел и неистов.
Нет, никогда так не цвели сирени.
Я пью их запах, в горсти наливая,
И я пьянею в их июльской лени,
Я в них вхожу, себя переживая.
Нет, никогда так не цвели сирени:
Чтоб гроздь была всегда отдельной нотой
И чтобы куст звучал одной свирелью,
Окутанный сиреневой дремотой.
Нет, никогда так не цвели сирени...

* * *

Ты утро раннее вдохни –
Нет запаха нежнее,
И ветку росную нагни,
Благославляясь ею.
По-королевски разодет
В жемчужины нектара,
Застыл на лепестке рассвет
Дюймовочке в подарок.

* * *

Туда, где плещется на диво
Пахучесть свежих лип,
Я раму распахнул ретиво
Под прошлогодний скрип.
Зажженную зеленым светом
Я принял ветку в дар.
И вдруг к губам прижалось лето...
И на нос сел комар.

* * *

Рукой над розой женщина проводит,
Не прикасаясь к нежным лепесткам.
И чувствует по трепету в природе,
Что тянутся цветы к её рукам.

* * *

Качается, качается
Качель моей мечты,
Дыханье занимается
От этой высоты.
И ритм не нарушится —
Один и тот же путь,
Пусть голова закружится,
Но только чтоб чуть-чуть.
А сердце тихо ойкает,
Когда под облака
Взлетает лодка бойкая,
Стремительно легка.
Качается, качается
Качель моей мечты,
Миг — и в глаза вливается
Сиянье высоты.

ЛОДКИ

С десяток вёрст отмеряя
В натруженности буден,
Клюют носами в берег,
Усталые, как люди.
Чтоб завтра снова в ходки
Уйти по глади ранней.
Спокойной ночи, лодки,
До утренних свиданий!

В УТРЕННЕМ ЛЕСУ

Я выйду в лес на утренней заре,
Когда еще живёт дыханье ночи,
Когда трава в росистом серебре
И солнца луч пробиться в дрему хочет.
Застыли сосны. Стройностью своей
Они так много мне напоминают.
Туман, качаясь в гамаке ветвей
Предутреннею дымкой исчезают.
И вот он, гриб. То красным огоньком,
То желтым вспыхнет в свежем изумруде.
Поклон тебе, знакомься с туеском.
«Да я не прочь. Я вам же в радость, люди!»

И вот уже приятно тяготит
Добычливая мягкая усталость,
И с ревностью понятною глядит
В твой туесок
 грибник, проспавший малость.
И шепчет лес: «Давай не забывай,
Я поделюсь любым своим секретом...»
Чем благодатен северный мой край,
Так это хоть и маленьким, но летом.

РЕЧКА УХТА

По ней не ходят катера,
Тем более и теплоходы.
Течёт сегодня, как вчера,
И в ясный день, и в непогоду.
И хорошо, когда рыбак
На перекате мелком роясь,
Оставив сзади Шудаяг,
Шагнёт в Ухту себе по пояс.
А отдыхающий народ
В водицу ринуть не стремится.
Его пугает вечный лёд,
Который под водой томится.
Но «нетепло» твоё любя,
С себя я спрашиваю строже...
Иду к тебе, смотрюсь в тебя,
И нету зеркала дороже.

МАКУШКА ЛЕТА В ЦВЕТЫ ОДЕТА

То ль нарочно,
 а то ль невзначай
Расплескался вокруг
 иван-чай.
Или это искринки зари
По округе зажгли фонари?
Мне по нраву
 их сказочный свет:
Лучше чая Иванова нет.

* * *

Зелёным горлом
 вновь запел рассвет,
Всё ближе утро
 и всё ярче свет.
И первый луч
 раскрашивает день,

Стирая дрёму,
тишину и тень.

* * *

Всё невесомо,
зыбко и нечетко.
Из полусвета
наплывает лодка.
И я гадаю:
лодка или тень?
Сквозь полувечер?
Или полудень?

* * *

Зеркальная речная гладь
Лишь на мгновенье разобьётся,
Когда (рыбачья благодать!)
Крючок с добычей взовьётся.
И снова отразит река
Скульптурное отображенье:
В застывшей позе рыбака -
Нетерпеливое терпенье.

* * *

В тишине дневного леса
Сосны затаились жарко,
И куда-то спрятал песни
Ветер утренним подарком.
Лишь звенит смолистый запах
Солнечной струной лениво
И бредут на мягких лапах
Трав душистых переливы.
Здесь мажор совсем не в моде,
Здесь его не уважают,
В тонком кружеве мелодий
Я до вечера блуждаю.

* * *

По лесам, опушкам да полянкам
Август щедро чудо расплескал,
И выходим в лес мы спозаранку,
Чувствуя охотничий накал.
А потом, во время передышки,
(Отдыхать нам долго – не с руки)
С ревностью следим,
на что мы «вышли»:
Как ведут себя боровики.
И домой с добычей возвращаясь,

В солнышко иль в дождик проливной,
Я, друзья, ни капельки не каюсь,
Что живу над вечной мерзлотой.

СВИДАНИЕ С ОСЕНЬЮ

Тишина наступает не ночью,
Тишина наступает под утро,
Когда в небе пронзительно сочно
В спор вступают лазурь с перламутром.
Опускаются руки у ветра,
Лень ему забавляться листвою,
А по стеклам, еще не согретым,
Наливаются окна зарёю.
Затишают усталые вздохи
Заблудившейся где-то гармонии,
И росы серебристые крохи
Собирает рассвет на ладони.
Всё в природе и нежно, и зыбко,
И наполнено всё ожиданьем,
Что вот-вот мне своею улыбкой
Осень снова назначит свиданье.

* * *

Лесная чаша, сколько ты
Таишь таинственной тревоги,
У белоствольной красоты
Неподражаемые ноги.
И кронам ни к чему шиньон,
И в парики им не рядиться,
Березово-сентябрьский сон
Своею красотой гордится.
Осины платят по утру
За вечер звонкою монетой,
Березы слезы лишь утрут,
А на заре и горя нету.
И я хожу, и я шепчу
Слова про колдовскую просинь.
И я поверить не хочу,
Что вас, березы, тронет осень.

ТЫ ПРИШЛА ИЗ СКАЗКИ, КАРЕГЛАЗКА

А земля еще теплом согрета,
И не видим осень мы в упор,
О себе напоминает лето
Солнышками спелых помидор.
И еще девчонкой-кареглазкой,

Будто заблудившейся в лесу,
Что пришла из лета, как из сказки,
В незабытом утреннем часу.
Одарила солнечной улыбкой
И осталась тихо, как во сне,
Памятью таинственной и зыбкой,
Чтоб светло по ней грустилось мне.

* * *

Вчера мне солнце рассмеялось,
А нынче – только дождь в карнизы.
Природа проявила малость
Свои девчоночьи капризы.
О неустойчивость в приметах,
Пред нею преклоняюсь рабы:
Тебе спасибо, бабье лето,
За то, что ты такое – бабье.

* * *

Облака уходят в просинь
С пристани рассвета,
Расплатилась с летом осень
Золотой монетой.
Побледнел зари румянец:
Нет былого пыли –
На осиновый багрянец
Поистратил силу.
И пронзительно, и остро
Задышало утро,
Превратив лужайку в остров
Цвета перламутра.
В узелок один связуя
Паутинки света,
Уведу тебя, родную,
Я обратно в лето.

* * *

Уже пронзительно прозрачен
Становится осенний лес,
Как будто воздухом накачан
И сквозняками обозначен
Под серой одурью небес.

КРЫЛАТЫЕ НОТЫ ЗИМЫ

Метельной студеной заботой
Гонимы вперед и назад,
Летят быстрокрылые «ноты»,

Чтоб выстроить песенный ряд.
И вдруг наступает минута,
Когда замирают они,
И ты беспричинною смутой
Их краткий покой не спугни.
А лучше такое мгновенье
Сыграй, и дразня, и маня,
Волшебным смычком вдохновенья
На скрипке хрустального дня.

ЗИМНИЕ ГРЕЗЫ

В белом всё далёко-далеко,
Ты под ним знакомое узнай-ка:
Словно убежало молоко –
Зазевалась зимушка-хозяйка.
Я люблю околиц стылый свет,
Где в пушистость сказочных безветрий
Домика вписался силуэт
Линиями четких геометрий.
На траве – февральская роса
Просит провести по ней ладонью...
Смотришь – и туманятся глаза,
Словно ты глядишь на мир спросонья.

* * *

На морозной улице,
Заплетённой в иней,
Все дома любят
Сказкой светло-синей.
Окунулись в стужево
Ветки, стекленея,
Словно отутюжены
Тополей ливреи.
Город суетится,
Улицей – дорогой
Всё куда-то мчится...
Ну и слава Богу!

* * *

Кто-то небо расколочил на льдины,
Синевы блеснула полоса,
И плывут вдоль улиц бригантины,
Гордо поднимая паруса.

ЯНВАРСКИЙ ЭТЮД

Еще морозов мы и не видали,
Еще вперед с опаскою глядим,
А в белом кружеве уже застыли дали,
Качая на ветвях волшебный дым.
Прошелся ветер ксилофонным звоном,
Запутавшись на миг в седых стволах,
И распустились снежные бутоны
Жасмином новогодним на кустах.
А меж берез, что вдоль дороги встали
Столбами верстовыми у дорог,
Свой путь держа в синеющие дали,
Бредет январь
с котомкой вещей снов.

* * *

На морозной просини
Голубого неба
Тополиной россыпью
Звездчатая небыль.
В руки так и просится,
Тронь – и исчезает,
Белым сном уносится
И слезинкой тает.
Сказку эту снежную
Трогать я не буду
Рифмой самой нежною
Сотворю я чудо.

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

Мелодия заснеженного вальса
Кружит в бокале терпкого вина.
На белый танец приглашаю вас я,
И Пушкиным одним зима полна.
Я заблудился с самого начала,
Едва войдя в снежинковую хмель,
А может быть, нас просто укачала
Та пушкинская звездная метель?
Как славно это праздное застолье!
Не даром он любил бокал поднять.
И вальс кружит нас... Так чего же боле?
Ну что я вам могу еще сказать?

ЛЮБЛЮ МЕЛОДИЮ РАССВЕТА...

Уходит ночь, подтаивая льдинкой,
И чтоб привычно новый день начать,

Повязывает голову косынкой
Озябшая берёзовая статья.
К работе у зимы подход особый:
Едва гореть устанут фонари,
Уж сдобно поднимаются сугробы,
Румяные припёком от зари.
И щедр очаг, пылающий восходом,
Пропахший снегом, хлебом и хвоей.
Еще чуть-чуть – и двери небосвода
Откроет в утро ключик золотой.
Люблю рассвет тепло и благодарно,
В нём день и ночь сливаются в одно:
Пусть хмуро небо
или лучезарно –
А звёзды остаются всё равно.

* * *

Как пассажирки на речной вокзал,
Сбежались ели за одно мгновенье.
Распахнуты зеленые глаза
На даль реки в тревожном нетерпенье.
Но вся река – под светофором льда,
И елям не идти под парусами.
Да и зачем им странствовать, когда
В родимый край они вросли корнями?!

* * *

Побродив по белу свету,
От простора сам не свой,
Я вернусь в сторонку эту
На свидание с зимой.
И, конечно же, узнаю
В белом пламени кустов
Уголок, где отдыхают
От забот и от трудов.
Тишиной наполнен вечер,
Снег искрится да мороз,
И разбрасывает ветер
Лепестки от белых роз.

* * *

След упряжки, как белая молния,
Разрезает искрящийся наст,
Коль сказали о белом безмолвии –
Это значит, сказали про нас.
Даль небесная синью расколота,
Сквозь которую солнце глядит.
И молчание. Это ведь золото –
Так недаром народ говорит.

УХТА ВЕЧЕРНЯЯ

От мороза березы ахают,
Словно бредят в тревожном сне,
И в прикуску со снежным сахаром
Вечер пьёт
 чайный свет в окне.
Где-то кашляет ветка простужено,
Под судьбою своею склоняясь,
И разглаживает натружено
Ветер
 кружева белую вязь.
Хоть опасливо, остороженько,
Хочет в улицу лес войти,
По колено утонет ноженькой
На глубоком на том пути.
И, гордясь городскими тронами,
Будто в мире они одни,
Захохочут в ответ неонами
Магазиновые огни.
Ну а то, что березы ахают, -
Слышно только тебе и мне...
Пусть в прикуску со снежным сахаром
Вечер пьёт
 чайный свет в окне.

НОВОГОДНЕЕ

Надела ночь
 волшебное монисто,
Пьёт
 тишиной наполненный бокал:
По черным граням

 вязью серебристой
Заиндевелый
 звёздный карнавал.
На всплеске зорь –
 вечерней и рассветной –
Настой зимы
 пригубим мы опять.
И в будущее песней недопетой
Войдём
 допеть, допить и доиграть.
В шампанском
 год уже растаял прежний,
И хрупкий миг
 черту подводит вновь.
За счастье
 и за новые надежды!
За Новый год!
 За старую любовь!

УТРО НОВОГО ГОДА

Ты улови мгновенье это,
Когда заря стучится в дом,
И утро в розовость одето
И в белое на голубом.
Ты удержи мгновенье это
С его морозной тишиной,
С мелодией, пока не спетой,
Но очень близкой и родной.
Ты вспоминай мгновенье это
И только утру говори
О том, как им душа согрета
До новой, завтрашней зари.

III. ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ

К 300-ЛЕТИЮ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Сквозь столетий жизненную хмарь
На меня повеяло рассветом.
Словно сам державный государь
Одарил меня своим приветом.
И спросил: «Ну, как вам на Руси,
В городе моём живётся, братцы?»

Он ведь нас не даром так спросил,
Земляки родные, ленинградцы.
Потому что мы верны себе
В пушкинском тревожном озаренье.
И в реке Ухте, в своей судьбе
Мы Невы находим отраженье.
А в рассветных северных ветрах,
Где и так мотив совсем не тепел,

В наших растревоженных сердцах
Метрономом бьёт блокады пепел.
И сегодня, вглядываясь вдаль,
Где в балтийской дымке город тает,
Памятную я беру медаль.
А она меня в себя вбирает.

блокадных буден.
Пока в душе горит живой огонь,
И думать нам не хочется о тризне,
Дай руку, брат!
И ты даёшь ладонь,
Где линией легла Дорога жизни.

УХТИНЦАМ – ЖИТЕЛЯМ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА

О родстве нас не надо спрашивать,
Нет для братства святого
преграды.
Все мы родом из города нашего,
Все мы родом из тяжкой блокады.
Горем были мы все окольцованы,
Что ворвалась огнём в наше детство,
И блокадниками именованы –
Это званье у нас в каждом сердце.
За мгновеньем уходит мгновение,
Чтоб в историю превращаться,
Но совсем не снегами забвения
Наши головы серебрятся.
И сегодня
и просто,
и гордо,
Средь волнений, забот, неурядиц,
Прикипев к приютившему городу,
Каждый помнит,
что он –
Ленинградец!

ДРУЗЬЯМ – БЛОКАДНИКАМ

И вот опять
мы вместе собрались,
И слов высоких
нам совсем не надо.
Одно – на всю оставшуюся жизнь -
Рубцом на сердце.
И оно – блокада.
А песни мы, конечно, попоем,
О городе родном, о Ленинграде,
Ведь мы, товарищ, потому живём,
Что жил тогда он
нас с тобою ради.
И вот за это выпьем по сто грамм
И годы пересчитывать не будем.
Они у нас белеют по вискам
Холодной белизной

ОНИ НЕ ВЕРНУЛИСЬ ИЗ БОЯ

Они не вернулись из боя
Для них не закончился бой,
И мир над весенней землёю
Храним их солдатской судьбой.
Пусть годы снегами седыми
Лежат у живых на висках.
Остались они молодыми
В людских благодарных сердцах.
...Для боя словесные мерки
«Высокость» теряют свою:
Там думают не о бессмертье,
А как победить в том бою.
Как встать, открываясь удару,
Хотя бы минуту прожить,
Но так, чтобы было не даром,
И так, чтобы путь проложить.
Там думают скупой и четко
(Там думать иначе нельзя):
Добраться до той вон высотки
И – взять! Обязательно взять!
А если уже не вернётся –
Останется в этом бою –
С живыми он всё же сольётся
Навечно в солдатском строю.

* * *

Солдатские письма. Они не стареют:
И тот треугольник, и то, что в конверте.
И нет их дорожке, и нет их живее.
В них – слово из сердца: надейтесь и верьте!

* * *

Сквозь гул боёв и дым пожарищ,
Сквозь боль израненной земли
Мы слово доброе «товарищ»
Паролем верности несли.
И это вовсе не случайно,
Что через новые года
«Товарищи однополчане!»
Не изменить на «господа».

Вкус дружбы фронтовой изведав,
 Надежной самой и простой,
 Я пью сегодня за Победу
 И за тебя, товарищ мой!
 * * *

Проходил я мимо вечного огня —
 Показалось,
 что окликнули меня.
 Словно кто-то
 «Эй, браток!» — проговорил,
 На чуток остановиться
 попросил.
 Оглянулся — рядом нету никого.
 Только сердце
 всколыхнулось отчего?
 Будто кто
 в него по-братски постучал —
 За собою тихо
 в прошлое позвал.
 ...Над землёю плыл тогда Девятый День
 Мая, самого весеннего в войне,
 И настала тишины такая звень,
 Что волшебней не услышишь и во сне.
 И в победной тишине
 святого Дня
 Всех живых
 в тот год
 окликнули друзья,
 Те, которые не вышли из огня,
 Потому что
 выжить всем
 в войне нельзя.
 И своя взошла
 над павшими звезда:
 Молодыми оставаться им всегда!
 ...В переключке
 с их солдатскою судьбой —
 Голос сердца,
 голос памяти людской.

НА ОТКРЫТИЕ ПЕРВОЙ ВЕТКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО МЕТРО

Шагнул и стою.
 А живая лестница
 Меня
 и вот этих папаш и мамаш,
 Старушку,
 что рядом от страха крестится,
 Везёт.
 На минус двадцатый этаж.

«Пушкинская».
 Понесло по течению,
 Ноги
 касаются
 пола еле.
 Тысячеглазое отражение
 Двигается рядом —
 в мраморном теле.
 Александр Сергеевич,
 сегодня я радостен,
 Сегодня мы —
 именинники оба.
 Вот эти букеты огней
 из ваз у стен
 Примите в подарок себе —
 от народа.
 Видите, чтобы не очень нервно
 Было нам,
 все ж под землёй -
 не дома,
 Свет с потолка, очень чистый и верный,
 Очень дневной и знакомый.
 Да если б его погасили взяли,
 То всё равно,
 от улыбок и глаз,
 Люди такими же светлыми б стали,
 Такими же, как сейчас.
 Александр Сергеевич,
 а что если вместе -
 От «Автово» —
 до «Восстания»?
 Прокатимся!
 Вы с пьедестала слезьте,
 Я ж вижу в глазах желание.
 Увидите арок свечение алое,
 Увидите тысячи тысяч глаз.
 И люди,
 когда мы туда пожалуем,
 Так рады будут
 увидеть Вас!
 Пусть годы мчат голубыми экспрессами
 И новым столетьям продолжится счёт:
 Вы не как памятник интересны,
 А как человек, что с нами живёт!

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ ПЕЧАТИ

Не сосчитать быстротекущих дней,
 Что временем истории согреты
 С петровского листка «Ведомостей»
 До нашей городской «Ухты» газеты.

На перестроечный батут.
Достойно всякого вниманья,
Как наш парк КиО выживал.
Не даром же в своё названье
Он имя фокусника взял.
И как по щучьему веленью
(Хотя в Чибьюшке рыбы нет),
Здесь процветает «Вдохновенье»? -
Руководительский секрет.
Ушел в историю «коровник»
Как раньше звал его народ,
Теперь навалом в «комаровник»
На все тусовки юность прёт.
Привык наш город развлекаться
На берегу чибьюских волн,
И говорят, что скоро, братцы,
Здесь снова пустят первый челн.
Направим мы его мгновенно
В мир новых парковых затей.
Чтоб плыть легко и вдохновенно
Из юбилея в юбилей.

К ЮБИЛЕЮ ГОРОДА УХТЫ

История нашего города
Ни где-то
 в далёких веках –
Стучится спокойно и гордо
Она
 в человечьих сердцах.
Пусть солнечно небо
 иль хмурится –
Погодам я счет не веду,
Когда
 первомайскою улицей
Из прошлого в завтра иду.
Над нею
 нет старости бремени,
Ей молодость
 дал человек,
Чтоб из деревянного времени
Шагнула
 в «продвинутый» век.
И утром,
 и днём
 или вечером
В закате осеннего дня -
Судьбою своей
 бесконечною
Проходит она
 сквозь меня.

ПОСВЯЩЕНИЕ УХТЕ

Люблю тебя, мой город славный,
Как любят солнечный рассвет.
Пусть нет в тебе дворцов державных
И древних памятников нет.
Но ты вознесся над тайгою,
Как рукотворный монолит,
И навсегда своей судьбою
С людскими судьбами ты слит.
Люблю тебя, мой светлый город,
За красоту и за уют.
Недаром же повсюду гордо
Тебя Жемчужиной зовут.

В ПОЯС ПОКЛОНИТЬСЯ МАСТЕРАМ

Грандиозность нынешней «фактуры»
Не закроет память о былом:
Родом мы из той архитектуры,
Что теперь историей зовём.
Пусть встанут громады-небоскрёбы
Чуть не с облаками по плечам,
Нам бы отыскать минутку, чтобы
В пояс поклониться мастерам.
Тем, кто были рады, чем богаты
В деревянном зодчестве своём,
Возводя не царские палаты,
А таёжный город, день за днём.
Вырос он теперь многоэтажно,
Уходя всё выше от земли.
Только не хочу, чтобы однажды
Память мы свою переросли.

ТЕРРИКОНЫ И УКЛОНЫ

Внутри земного шарика
Не просто разглядеть,
Что есть на свете Ярега,
Под Ярегою – нефть.
В честь этого признания
С не очень давних пор
Соединились в звании
Нефтяник и шахтер.
История расскажет вам,
Она соврать не даст,
Как шел по первым скважинам
Наш самый первый пласт,
Как изводили пробами
Себя и эту твердь.

Смыслю всё в приоритетах.
Ты на нервах не играй
И приданое отдай:
Мне видней, чего растить,
И как лучше бабки слить.
И не жди ты, девка, зря
Повеления царя.

* * *

Сказку кончить бы, как встарь,
Да молчит надежда царь.
Ну а как же быть молве...
Без царя-то в голове?!

ПРО ВЕЩИЕ СНЫ И АРЕНДНЫЕ ШТАНЫ

Страшный сон
внедрился в темя,
Просто боже упаси:
Дали мне
штаны
на время:
– На, мол, дядя,
поноси!
Пудобней в них устройся,
Пользуйся в жару, в мороз.
Ни о чём не беспокойся:
Компенсируем износ.
И в расписки не играем!
Просто так даём в наём:
За базар мы отвечаем –
По понятиям живём...
Ну и я сомлел, конечно:
Влез в фартовые порты
И хожу себе беспечно,
С целым городом «на ты».
Только я совсем немного
Смял арендные штаны:
Мне пересекли дорогу
Те же, братцы, «пацаны».
– Мол, нужны штанцы-то очень,
Как без рук мы –
без штанин,
Да и гульфик,
между прочим,
Стал самим необходимым.
И в неистовом нахрапе
Отобрали в сей же час.
...Без штанов,

но, правда,
в шляпе
Я стою...
А сон угас.
Вот такое вышло чудо,
Ну их к бесу,
эти сны.
...Никогда носить не буду
Я
арендные
штаны.

ДИВИДЕНД, КАК АРГУМЕНТ

Не то, чтоб тенью на плетень,
Не то, чтобы оставил с носом, -
Он тихо сгинул –
Судный день
Под грибоедовским вопросом.
И даже
перед Рождеством,
И на пороге Новогодья
Не намекнули нам о том,
Что станут
нашими
«угодья».
В том не какой-нибудь секрет,
Уж так решает провиденье:
Кому-то в цвет –
ученья свет,
Кому-то –
в полное затмение.
А правду-матку
в том ищи,
Что нам не сели бы на шею,
Будь чуть пожиже
наши щи,
То бишь, с наваром потощее.
И всё ж смешно
до самых слёз:
Что за коммерция, создатель,
Когда решается вопрос –
Для всех вопросов –
альма-матер?
И мы с надеждой
в ум берём:
Год Кабана почти что прожит,
А в новом,
в том,
который ждём,
Свинью

ДВОРЕЦ – ДЕЛУ ВЕНЕЦ

С иголочки – от свай до крыши,
Могуче мышцы разогрев,
На старт рекордов гордо вышел
Дворец, к открытию успеv.
Пусть зарастёт травой забвенья
Других событий череда,
Но этот первый день рожденья
Мы будем вспоминать всегда.
Как по неведомым дорожкам
Еще нетоптанных полов
Мы шли, смущаясь понемножку
Под оком чудо-мастеров.
Как гость, сугубо заграничный,
Отбаскетболить нас решил,
Но всё же мяч рукой привычной
В корзину ректор положил.
И чудилось, что в новом зале,
Как символ будущих побед,
Мы к потолку уже бросаем
«Планету-Университет».
Конечно, жаль, что с визой въезжей
Не всем легко дойти до нас
И городское «зарубежье»
Не разыграло с нами пас...
Но не грустим мы почему-то.
А в душу лишь одно легло:
Как гордо, явственно и круто
Встал «Буревестник» на крыло!

С НАМЁКОМ, НО НЕ ПО ЗЛОБЕ О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ

У нас сегодня всякое бывает,
И с этим не поспоришь, хоть убей.
Но вот чего порою не хватает,

Так это, господа, очередей.
А мы ведь ищем в них отдохновенья:
В живом общении, или просто так.
И слава Богу, что без исключенья
Не быть любому правилу никак.
Средь будней серых или полосатых,
Где кажется, что мир не удался,
Приходит к нам, как праздник, День зарплаты,
В себе заряды бодрости неся.
О, сколько развлечений обещает
ПредКАССОВАЯ суета сует!
Но только тот в ней что-то понимает,
Кто у окошка свой оставил след...
И вот я здесь, в конце какой-то сотни,
Хотя движенье есть на этаже:
От очереди пятнично-субботней
Хвост в понедельник переполз уже.
Стою, гляжу, но не видать доцента,
Что спор научный всю неделю вёл:
На сколько мы продвинулись процентов...
Не достоял. На пенсию ушел.
Но очередь растёт, мне странно это:
За каждой дамой – свой пчелиный рой.
За этой – аж две трети факультета,
И половина кафедр – за той.
Здесь – вышивают крестиком, похоже,
Там кто-то ставит, извините, мат,
Читают детектив – мороз по коже
(Пусть мне мои гиперболы простят).
И делу время есть, как говорится,
Вот только и «хвосты» бы принимать
Профессорам неплохо научиться,
Не отходя от кассы, так сказать.
Но любопытству своему в угоду
Хочу спросить, коллеги, об одном:
А не пора ль выплачивать народу
За «выслугу» под кассовым окном?

У. НАШ КАПУСТНИК

Старые песни на новый лад поют
и стар, и млад...

...первокурсники
Мы были аби-
туриентами

Но вот уже настал
такой момент,
Когда мы сделали
студентами
И свой у каждого
«привет».

Не откажите нам
 в любезности:
 Не посылайте нас
 туда – сюда,
 А то погибнут
 в неизвестности
 Таланты наши
 навсегда.
 А мы традициями
 старыми
 Пообещаем больше
 не грешить,
 Поодиночке или парами
 На пары будем приходить.
 Виват студенческая братия!
 Теперь назад уж хода нет –
 как нет,
 И раскрывает нам объятия
 Планета «Университет»!

...выпускники

Мы так давно, мы так давно
 не отдыхали,
 Нам было просто
 не до роздыха порой.
 Пять лет, ребята,
 мы с гранитом воевали,
 И вот теперь уже
 нас ждёт финальный бой.
 Еще немного, еще чуть-чуть:
 Последний курс –
 он самый-самый.
 Я получить свой
 диплом хочу,
 Как телеграмму
 от папы с мамой.
 Который год нам нет житья
 от этих лекций,
 Нам близок был
 последним слогом
 сопроМАТ.
 Но мы зачеты все сдавали
 без протекций,
 Да так, что даже
 зубы мудрости болят!
 Еще немного, еще чуть-чуть:

Последний курс –
 он самый-самый.
 Я получить свой
 диплом хочу,
 Как «эсмээску»
 от папы с мамой.
 Уже давно не задаём себе
 вопросов,
 Пусть Гамлет мучается:
 быть или не быть?
 И ГОСы вряд ли нас с тобой
 оставят с носом,
 Вот только надо бы
 до них еще дожить!
 Еще немного, еще чуть-чуть:
 Последний курс –
 он самый-самый.
 Я получить свой
 диплом хочу,
 Как переводы
 от папы с мамой.

...доценты и профессора

Студенты спрятались,
 как в поле лютики.
 Аудиторию бросает в дрожь.
 Зубрить вы любите
 или не любите,
 А мимо сессии
 не проскользнёшь.
 Походкой чёткою,
 тряся зачёткою,
 Входи решительно:
 сдавай зачёт.
 А если, юный друг,
 ты приморился вдруг,
 Доцент – не валенок:
 он всё поймёт.
 Итак, вперёд, друзья,
 перчатка брошена.
 Для удов-неудов
 пришла пора.
 А мы желаем вам
 всего хорошего.
 Ни пуха, стало быть,
 и ни пера!

VI. «Я ВАМ ПИШУ...»

*Фотокору газеты «Ухта»
Виктору Чанину*

Судьбою назвалось
И в жизни осталось
Газетных мгновений родство.
И в каждом мгновенье —
Твоё вдохновенье,
Твой труд
И твоё мастерство.
Ты помнишь, товарищ,
Как вместе сражались,
В «прикольных» боях городских.
Нам руки не жали,
Но нас уважали
За острые фото и стих.
Что сделано людям,
Давай не забудем,
Ведь мы
Обходились без шпон.
Михалыч, за службу,
За верную дружбу
Вам с «Никоном» —
Низкий поклон.

ДРУЗЬЯМ-РАБКРАМ

Снова истина эта
Поднимает «в ружьё»:
Без рабкора газета —
Как рабкор без неё.
Мы газетною строчкой,
Позабыв про уют,
Всех разносим по кочкам
И нас тоже несут...
Вот и носит на пару
Нас, «пернатых», земля,
Но не для
 гонорару,
Только истины для.
И совместно мы верим
В наш газетный накал:
Не затупятся перья,
Не исчезнет запал.
Пусть же истина эта

Поднимает «в ружьё»:
Без рабкора газета —
Как рабкор без неё.

К ЮБИЛЕЮ КРАВЕДА АННЫ НИКИФОРОВНЫ КАНЕВОЙ

Сегодня, в день рождения,
В свой славный юбилей,
Примите поздравления
От ёртъяс — от друзей.
Идёте в жизни гордо,
И видно по всему:
Гордится Вами город,
Гордится чужан му.
Отстаивая в споре,
Свою вносили дань,
Как пламенный историк
И просто мича Ань.
Вы в творчество влюбились
И вспомним мы о том,
Как трижды становились
Вы золотым пером.
Сегодня, в день рождения,
В хороший светлый час,
Примите поздравления
И наши дзориндзъяс.
А в качестве условия
Под это торжество
Желаем Вам здоровья,
Шуд лун и уна во!

К ЮБИЛЕЮ СТОМАТОЛОГА ЮЛИИ ГАВРИЛОВНЫ САКИНОЙ

Что? Что такое? Что случилось?
Какая выдалась напасть?
Куда бежим, скажи на милость?
А все бежали в медсанчасть.
Оздоровив больных до срока,
(Чтоб не отсвечивали тут),
Столы раскинули широко

В единый праздничный редут
 Оркестра, правда, не достали, -
 С зарплатой вышел ералаш.
 Но звонко веселиться стали
 Под звон пробирок, колб и чаш.
 Вовсю хозяйка расстаралась
 И вот дает теперь обед,
 Как будто тем и занималась
 Все сорок медицинских лет.
 Но и другое тоже было
 (попробуй-ка такое скрой!)
 «Фефекты фикции» лечила
 И флюсам задавала бой.
 Не скрыть нам, братцы, это чувство,
 Не сосчитать, который год,
 Живёт народ её искусством,
 Её протезами жуёт.
 Пародонтозными делами
 Теперь не испугаешь нас,
 Все три поселка с челюстями
 Друг перед другом напоказ.
 А коль к годам вернуться прежним,
 Какой урон понёс Союз:
 Ведь знай о Сакиной, сам Брежнев –
 Ей сдал бы свой партийный флюс!
 Теперь скажу слова простые,
 Гост на язык мне сам идёт:
 – За ваши руки золотые,
 За озубаченный народ!

ПАМЯТИ НИНЫ ПЕТРОВНЫ РОДИОНОВОЙ

Что-то нынче сошел я с круга
 Жизни той, что катилась ровно.
 У меня умерла подруга,
 У меня умерла Петровна.
 Я не знаю, как позже-раньше
 Чьи-то души зайдутся в стене,
 Но я снова знакомый кашель
 Слышу вдруг на своём балконе.
 Я прощаться с тобой не буду,
 Нет для этого основанья.
 Говоря тебе – не забуду,
 Говорю тебе – до свиданья.
 Ну а то что тебя, мол, нету –
 Это версия не для друга.
 Я, Петровна, не верю в это:
 Ты живая, моя подруга.

КОЛПИНСКИМ РОДСТВЕННИКАМ

Мне память, словно старый комик,
 Еще рискующий шутить,
 Подсунула зелёный домик,
 В сирень нырнувший древность скрыть.
 Тверскую, где огромным самым
 Был серый двухэтажный дом,
 Кусты жасмина над каналом
 И вечер в темно-голубом.
 И томики стихов на полке,
 Дюма-отец и даже сын...
 И пацана с короткой челкой,
 Что по ночам скакал один,
 Коня заняв у д Артаньяна,
 Во славу короля и дам,
 Не зная страха и обмана,
 К английским серым берегам.
 Миледи проживала близко –
 Через дорогу дом стоял,
 И звали все её Лариской,
 А я – графией называл.
 Не тем, что здесь я жил влюбленный
 Мне город очень близким стал.
 Впервые в домике зелёном
 Я музыку тогда узнал.
 Имён запомнить не старался,
 К чему мне подпись под клише,
 Звук каждый эхом отдавался
 В моей мальчишеской душе.
 И вот сейчас, когда за 30,
 И на висках почти январь,
 Хочу я снова напроситься
 Послушать музыку, как встарь...

НИНЕ ДУХОВСКОЙ

Мир помнит чудное мгновенье,
 Когда в него явилась ты
 Вполне законным воплощеньем
 Простой родительской мечты.
 Три дня Доманик полной чашей
 И волновался, и гудел:
 Цистерну выставил папаша,
 Чтобы обмыть такой удел.
 И жизнь потоком забурлила,
 Зовя на громкие дела,
 Ты в девках долго не ходила –
 И быстро в матери пошла.
 Но это не было причиной

Застыть на бытовой черте,
И наземь падали мужчины
И в Ленинграде, и в Ухте.
Под небом хмурым или чистым,
Используя за мигом миг,
Ты превратилась в журналиста,
Чтоб мужу показать язык.
Историки теперь не скроют,
Как в жизни создавать оплот:
Пусть мужики посуду моют,
А мама творчески растёт.
Но пусть же неудачник плачет!
А ты цветы на радость нам,
Как у тебя цветут на даче
Клубника с мужем пополам.

* * *

Не случайно ведь так получается,
Видно, это судьбой решено:
Женский день
С днём рожденья встречаются,
Чтобы быть уж совсем заодно.
Не случайно с тебя начинается
С небольшим опозданием весна.
Пусть же в сердце она не кончается,
Будьте счастливы – ты и она.

* * *

Не говори, что вдохновенье
Я трачу на чужой народ.
Пусть каждый день стихотвореньем
В твою и в нашу жизнь войдёт.
Не упрекай, что в суматохе
Я од и гимнов не пишу.
Зато к тебе и к нашей крохе
С душой наполненной спешу.
И благодарен высшей воле,
Что нас смогла навек связать.
Я вас люблю. Чего же боле?
Что я могу еще сказать?
5-8 марта.

СЕБЕ, ЛЮБИМОМУ

Я ничего себе не доказал.
А ведь хотелось быть судьёю строгим.
Притихло сердце, как ночной вокзал,
В дремотном ожидании дороги.
И светофор оранжево готов
Уже на красный свет переключиться:
Как много – для сжигания мостов,
Как мало – чтоб в хорошем сне явиться.
Ну что ж, прости за всё, в чем виноват –
Самоуверенность и нетерпенье.
...А эти строчки просто говорят,
Как я себя поздравил с днём рожденья.

УІІ. МЕЛОЧИНКИ С НАЧИНКОЙ

* * *

Кондуктор с «зайцем»
в разговор вступил
И полчаса
его вовсю
пилил.
А тот, беседу направляя ловко,
На нужную приехал остановку.

* * *

Однажды покупатель молвил слово
О том, что вид у продавщиц

суровый,

Сказала та, что в форменном халате:
– Нам за улыбки,
знаете ль,
не платят.

* * *

На улице, услышав крепкий мат,
Прохожая вмешалась
невпопад.
Ответили ей
даже не без ласки:

– Мамаша,
трудно говорить
без связки.

А я в момент, –
без всякого убранства.
– Цени, – сказала ёлка,
– постоянство.

* * *

Шёл гражданин
при галстукe и в шляпe
И просто так плевками всюду ляпал.
Нам не уйти от этого сравненья:
Плюётся и верблюд.
Но с раздраженья.

* * *

В саду «возник» павлиний гладиолус
И на цветы он поднимает голос.
Но отвечает маленькая астра:
– Сегодня ты – пижон,
но будет завтра.

* * *

Накал игры неистов,
Вниманье: будет гол!
Так микрофутболисты
Идут в большой футбол.

* * *

Поникшая трава заговорила:
– В обратности моей – большая сила.
Цветы – они завянут непременно,
Сегодня я – трава, а завтра – сено.

ОСЕННИЕ ДИАЛОГИ

Черёмуха спросила у рябины:
– Я быстро облетаю. В чем причина?
Ответила рябина:
– Я не знаю.
Но я гораздо позже расцветаю.

* * *

Однажды мухомор,
покрывшись пятнами,
В сердцах вступил в полемику
с опятами:
– Мол, вашу серость люди обожают,
Меня же никогда не собирают.
– А потому, –
Услышал он в ответ,
– Что яркий цвет
бывает и не в цвет.

* * *

Осинка, растеряв свои монеты,
Пришла к зеленой елке за советом.
И говорит:
– Послушай-ка, душа,
Ты летом и зимою хороша.

КАЖДОМУ ДОЗА ИЗ АСТРОПРОГНОЗА

Узнать свою судьбу точнее чтоб,
И то, какой вам нынче жребий роздан,
Вглядитесь в новогодний гороскоп,
Который мы составили по звёздам.

Козерог

Неси по жизни изобилья рог,
Одаривая им любой порог,
И улыбайся иль пролей слезу,
Но лишь не делай никому «козу».

Водолей

Уж говорилось не однажды
Про Водолеевы угодыя:
Там есть спасение от жажды
И... коммунального безводья.

Рыбы

Молчишь, как рыба? Не беда.
Нам о другом сказать не лень:
Не попадайся в невода
Кому-нибудь на «рыбный день».

Овен

Год специальный Овнам дан,
На то, чтоб всем понравиться,
А что Овца или Баран –
Кому какая разница?

Телец

Родился, чтобы побеждать,
Но помнит, где судьбы начало:
Чтоб золотым теленком стать,
Придется взбрыкивать немало.

Близнецы

Одно лицо и тут, и там,
Не знаешь, на кого и ставить,
Чтобы запудрить мозги нам,
Всегда найдут, кого подставить.

Рак

Он из толпы не любит выделяться,
Но если что-то по нему не так,
Сумеет раком вмиг ретироваться.
А что же делать? Ведь на то и Рак.

Лев

Доля львиная удач
Заставляет мчаться вскачь,
Ну а если не догнать –
Постарайся не рычать.

Дева

Мужчины тоже «Девами» бывают
И девственность свою оберегают.
Не торопитесь где-нибудь споткнуться –
Она уйдёт, чтоб больше не вернуться.

Весы

Чтоб прямой была судьбы дорога,
На весах Фортуны взвесьтесь строго.
Только помнить надо посему:
Лишний вес вам вовсе ни к чему.

Скорпион

Скорпиону нечего бояться:
Он хвостом привык обороняться,
Ну а мы привыкли в суете
Приносить лишь слухи на хвосте.

Стрелец

Вы – в поисках добычи каждый день,
Едва успев как следует проснуться,
И выбирая для себя мишень,
Уж постарайтесь тут не промахнуться.